

Глядя на то, как Цзыфэн мгновенно обращается в серый пепел, Бай По наконец очнулся от своего оцепенения. В его пустом, отрешённом взгляде промелькнуло новое чувство, и он ядовито усмехнулся.

— Значит, едва вещь становится бесполезной, её тут же уничтожают? — хмыкнул он, и в его голосе зазвучал неприкрытый сарказм. — Надо же... Четыре месяца мы были вместе, а я ведь даже не догадывался, кто ты такой на самом деле.

Этот язвительный тон заставил Ван Шо недовольно поморщиться. Однако он не сделал ни шагу навстречу и не стал, как прежде, вступать в препирательства. Юноша лишь молча застыл у самого выхода, вглядываясь в ночную темень за пределами шатра, словно чего-то выжидая.

Бай По неотрывно следил за ним, окончательно убеждаясь в горькой истине: всё, что он знал о Ван Шо до этого момента, было лишь маской. Гнусной, фальшивой игрой. Мог ли этот холодный, властный мужчина, от которого сейчас веяло смертельной угрозой, быть тем самым несносным пройдохой и балагуром? Какая ирония! Пришлось оказаться на краю гибели и позволить выжать себя досуха, чтобы наконец прозреть. Он едва не расстался с жизнью ради этой лжи.

Жестокая расправа над Цзыфэном и хладнокровное уничтожение единственной зацепки, ведущей к карте Лишиту, ранили и без того истерзанную душу Бай По. Если Ван Шо так легко использовал и выбросил Цзыфэна, то чем он сам лучше? Тот без тени сомнения оборвал чужую жизнь — что помешает ему завтра точно так же избавиться от ненужного свидетеля? Последние крохи доверия, которые Бай По с таким трудом взрастил в себе за эти месяцы, этой ночью рассыпались в прах вместе с пеплом убитого. Маска была сорвана, и под ней не осталось ничего, кроме пустоты.

С запоздалым ужасом он осознал всю опасность своего положения. Теперь, когда ему стало известно, что карта Лишиту находится у Ван Шо, отпустит ли тот его живым? Не решит ли он заставить его замолчать навеки?

Впрочем, Бай По понимал: ради сокровища вроде карты Лишиту люди шли и на худшие зверства. И уж конечно, сам он не собирался хранить чужую тайну. Обида и злость на обман Ван Шо полыхали в его груди так яростно, что, представься ему возможность, он без колебаний выдал бы его секрет всему миру. С каким бы наслаждением он посмотрел на то, как толпа жаждущих наживы практиков разорвёт этого ублюдка на куски!

Пока Бай По лелеял планы мести, Ван Шо продолжал неподвижно стоять у выхода. В шатре воцарилась гнетущая тишина. Впрочем, длилась она недолго: снаружи раздался резкий хлопок взрыва. Услышав этот звук, Ван Шо заметно расслабился. Он подошёл к пологу, приподнял плотную ткань и устремил взор в ночное небо, где распускался огненный цветок сигнального фейерверка. Почувяв неладное, Бай По попытался приподняться, чтобы заглянуть наружу, но Ван Шо, словно предугадав его движение, резко опустил завесу, отрезая его от внешнего мира.

Повернувшись, Ван Шо неспешно направился к лежащему на полу юноше. Бай По посмотрел

на него с презрением и безмолвной издёвкой. Но Ван Шо проигнорировал этот вызов. Он опустился на одно колено и протянул руки, намереваясь поднять его. Бай По, охваченный отвращением к обманщику, попытался отползти, но тело не слушалось его. Бессильный что-либо сделать, он лишь яростно выплюнул:

— Убери свои грязные руки! Не смей ко мне прикасаться!

Этот крик заставил Ван Шо на миг замереть. Он убрал ладони, медленно поднялся во весь рост и, заложив руки за спину, посмотрел на пленника со снисходительной усмешкой.

— Те люди вот-вот вернутся, — мягко проговорил он. — Если я оставлю тебя здесь, представляешь, что они с тобой сделают?

Слова застряли у Бай По в горле. Он лихорадочно взвесил свои шансы, его взгляд заметался из стороны в сторону, но жестокая реальность была неумолима. Сгорая от бессильной злобы и унижения, он всё же медленно протянул руки к стоящему над ним мужчине. Фальшивая усмешка мгновенно исчезла с лица Ван Шо. Убедившись, что юноша прекратил бессмысленное упрямство, он наклонился, подхватил его под спину и колени и легко, словно пушинку, поднял на руки.

Они вышли из шатра навстречу прохладе ночи. Из темноты уже доносился приглушённый гул — конный отряд возвращался раньше времени.

— Закрой глаза, — раздался над ухом тихий, неожиданно мягкий голос.

Бай По раздражённо дернулся, пытаясь отстраниться. Прежде подобные прикосновения не вызывали у него протеста, но теперь сама мысль о том, что его держит этот лжец, была невыносима.

Вместо ответа он лишь злобно фыркнул и упрямо уставился перед собой. Обида и злость душили его, и это детское противодействие оставалось единственным способом хоть немного уколоть своего спутника.

Ван Шо не стал спорить с этим капризом. Он резко оттолкнулся от земли и стрелой взмыл в воздух, мгновенно преодолев несколько чжанов. От бешеного порыва ветра заслезились глаза, и Бай По всё же пришлось зажмуриться. Невольно улавливая ровный стук чужого сердца и вдыхая знакомый запах, он снова с горечью подумал: с какой невероятной скоростью они несутся! Какую мощную внутреннюю силу Ван Шо высвободил в это мгновение... Как можно было быть настолько слепым, чтобы не замечать этого раньше?

Мысли путались, сознание постепенно уплывало, но Иглы Заточения Души не собирались даровать ему покой. Очередной приступ раздирающей боли пронзил всё его существо, словно тысячи раскалённых спиц вонзились во внутренние органы. Бай По судорожно забился в чужих руках. Ему до смерти не хотелось кричать при Ван Шо — после всего случившегося это

казалось последней степенью унижения. Но никакая сила воли не могла заглушить эту пытку. Сквозь плотно сжатые зубы всё же вырвался тихий, жалобный стон.

Ван Шо сразу почувствовал, что юноша снова затрепетал в его объятиях. Сперва он решил, что тот продолжает упрямиться, но услышав сдавленный хрип, полный неподдельной муки, понял: дело плохо.

— Бай По, что с тобой? — встревоженно спросил он.

Всего за несколько мгновений одежда на юноше взмокла от холодного пота. Ван Шо, прижимая его к себе, не мог этого не заметить. В его памяти тут же ожили смутные воспоминания о той страшной ночи в лесу.

Разом Бай По балансировал на грани беспамятства: боль то возвращала его к пугающей реальности, то утягивала в тёмный омут. Сквозь лихорадочный бред он ощутил, что его аккуратно опускают на что-то удивительно мягкое. Это мимолётное тепло было настолько приятным, что на мгновение ему показалось, будто он снова в своих покоях на Горе Восхождения к Небесам. Кто-то осторожно приложил к его пылающему лбу прохладную влажную ткань. Затем этот человек наклонился совсем близко — его тёплое дыхание коснулось щеки юноши.

Бай По судорожно вздрогнул и, теряя связь с явью, прошептал:

— Юнь Юй...

Ван Шо мчался во весь опор и за считанные минуты доставил юношу в постоялый двор, бережно уложив на мягкую кушетку. Однако стоило выпустить его из рук, как Бай По забился в судорогах, катаясь по постели. Ван Шо с тревогой всматривался в его измученное лицо. Кожа блее мела, бескровные, плотно сжатые губы, непрекращающийся озноб и дрожь во всём теле... Всего за какую-то четверть часа пот пропитал его одежду насквозь, и мокрая ткань облепила его исхудавшую фигуру.

Ван Шо не имел ни малейшего представления о том, какой недуг терзает юношу. Глядя на эти мучения, он невольно подумал, что под личиной капризного и своенравного баловня судьбы скрывается глубоко несчастный человек, чья жизнь полна боли. Он присел рядом и осторожно прикоснулся ладонью к его пылающему лбу. Но стоило бредущему юноше сорваться на едва слышный шёпот и назвать чужое имя, как Ван Шо мгновенно стал холодным и сосредоточенным.

— Юнь Юй? — тихо повторил он, словно пробуя имя на вкус, и медленно опустился на край постели.

«Кто это? Очевидно, кто-то очень близкий. Но кем нужно быть для Бай По, чтобы тот звал его в минуты столь невыносимой агонии?»

В груди шевельнулось смутное, неприятное чувство, но времени на раздумья не оставалось. Ван Шо взял безвольную, ледяную руку юноши и начал осторожно, каплю за каплей, вливать в него свою внутреннюю силу. Мягкий поток ци устремился в меридианы Бай По, усмиряя бушующую в них бурю. Метод подействовал почти мгновенно: судороги прекратились, и юноша наконец затих. Однако Ван Шо, продолжавший крепко сжимать его запястье, внезапно замер от изумления.

Его собственная энергия, едва оказавшись в теле Бай По, бесследно исчезала, словно проваливаясь в бездонную пропасть. Как такое возможно?

Тем временем погружённый в забытие Бай По почувствовал, как в его измученное тело вливается тёплый, мощный поток чужой силы. Иглы Заточения Души, натолкнувшись на преграду, нехотя отступили. Пытка прекратилась, уступив место всепоглощающей усталости. Вскоре дыхание юноши выровнялось, и он погрузился в глубокий, спасительный сон.

Ван Шо наконец облегчённо вздохнул и медленно разорвал контакт, забирая остатки силы. Не окажись его рядом, кто бы вообще смог выдержать столь чудовищную потерю энергии? Даже ему самому... Юноша горько усмехнулся: сейчас у него едва ли хватило бы сил просто подняться на ноги.

Он задумчиво нахмурился. Как же Бай По справлялся с этим раньше? И кто такой этот Юнь Юй?

Кажется, он знал о своём спутнике непозволительно мало.

А ведь теперь он твёрдо намерен удерживать его подле себя. Но как быть с тем, о ком он не знает почти ничего?

Ван Шо долго всматривался в безмятежное лицо спящего. Напряжение медленно покидало его черты. Он невольно протянул руку и коснулся пальцами его округлой, мягкой щеки — кожа была нежной и гладкой. Сложная гамма чувств, отражавшаяся на лице Ван Шо, постепенно уступила место непривычной мягкости.

Он тихо, почти неслышно вздохнул:

— И что же мне с тобой делать?..

<http://bllate.org/book/18409/1872265>